

Артем Лобчук

Станция

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Артем Лобчук

Станция

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Лобчук А.

Станция / А. Лобчук — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-06964-0

Нам порой так не хватает времени просто остановиться и подумать. Подумать о времени, боге, Вселенной и, конечно, о себе. Главный герой Кирилл Дементьев — счастливый человек. Ему представилась уникальная возможность спокойно разобраться в окружающем мире и в себе самом. Судьба забрасывает его на полярную метеостанцию, где время граничит с вечностью, а пространство — с бесконечностью...Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-06964-0

© Лобчук А., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Глава 1. Край земли	5
Глава 2. Дела насущные	7
Глава 3. Метель	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Глава 1. Край земли

Я стою у самого края земли. Впереди только свинцовые волны, сливающиеся где-то далеко с таким же свинцового цвета небом. Здесь нет ничего, кроме волн, неба и камня. Изредка залетит сюда гагара, или прокричит хриплым голосом с залива буксир, или взобьет работой своих винтов жидкую полярную растительность вертолет.

Край ли это? Или, наоборот, начало? В древних поверьях северных народов сказано: сначала на свете был только ветер и волны. Волны шумели днем и ночью и очень мешали своим шумом богу. Тогда он рассердился и приказал волнам окаменеть. Так появились скалы. После хлынули с неба дожди и шли много дней. Вода собиралась в ложбинах и низменностях и образовала озера. С того и началась наша земля, обогатившаяся теперь зверями и птицами, лесами и озерами, людьми и цивилизациями. А здесь все, как тысячи лет назад: только ветер, волны и скалы.

Еще здесь есть я — Кирилл Дементьев двадцати шести лет, техник метеостанции на безымянном мысу где-то на пустынном многокилометровом побережье Восточно-Сибирского моря. И еще есть моя метеостанция – старый ветхий барак советских времен, собранный сейчас уже непонятно из чего (как говорит нынешняя молодежь – из говна и палок) и пара таких же неуклюжих и убогих хозпостроек.

Вокруг меня миллионы квадратных километров пустоты. Впрочем, если взглянуть на карту, пустота эта выборочно поименована именами первопроходцев и путешественников. Но карта – это абстракция. По факту же через несколько сотен километров курится жидким дымком одинокое становище эвенкского промысловика, отцы и деды которого жили на этом месте с начала времен и здесь же будут жить многие поколения его потомков, словно время невластно над этими пространствами. В другой стороне за те же сотни километров холодный океанский ветер гуляет в черных глазницах выбитых окон брошенного много лет назад поселка полярников. А далеко в океанской мгле, куда я так отчаянно и безнадежно всматриваюсь, навеки вмерзло в паковые льды судно безымянной полярной экспедиции, сто лет назад пробывавшей здесь главную транспортную артерию русского Севера – Северный морской путь. Да еще где-то по побережью раскиданы такие же, как моя, исследовательские станции, где подобные мне инженеры-отшельники еще теплят жизнь. А где-то совершенно в другой вселенной дымят трубами заводов, сверкают неонов витрин города-миллионники. И люди спешат из одного конца города в другой, хрипло ругают друг друга сигналами клаксонов автомобилей. Где-то совсем не здесь.

Я стою на пронизывающем соленом ветру и вглядываюсь в океан. Говорят, если долго смотреть в океан, можно увидеть огни на горизонте. Не знаю, кто придумал эту чушь. Наверное, какие-то праздные романтики, начитавшиеся книжек о невероятных приключениях отшельника Робинзона. Я думаю, если долго стоять и смотреть в океан, то можно замерзнуть насмерть. Навигация заканчивается, и никаких огней на горизонте в ближайшие полгода не предвидится. Я остаюсь один на один с собой: со своими мыслями, страхами, работой, книгами.

Зачем я здесь? Дорогой мой друг, когда ты собираешься утром в свой офис и думаешь, брать ли зонт, надеть ли пальто или ветровку, ты загружаешь на своем новом айфоне прогноз погоды – это я шлю тебе свой пламенный привет с самого края земли. Того самого, о котором ты, вероятно, никогда в своей жизни и не задумывался; о котором ты в лучшем случае что-то невнимательно слушал в школе на уроках географии или в выпусках новостей по телевизору; одно упоминание которого вызывает у любого нормального человека закатывание глаз и тоскливое подвывание: «У-у-у...». А я живу и работаю здесь только для того, чтобы ты, безликий понаехавший в столицу, добрался в комфорте и сухости до своего компьютера и подготовил никому не нужный отчет о динамике продаж в прошедшем квартале.

Я стою еще несколько минут на берегу, словно прощаясь надолго с внешним миром (с Большой Землей, как говорят те, кто работает в отрыве от цивилизации), разворачиваюсь и, вскинув на плечо карабин, поднимаюсь к лачуге метеостанции. Теперь до поздней весны я полностью отрезан от внешнего мира: паковые льды спустятся практически к самой кромке берега, и до весны ни одно судно не сможет пробиться ко мне через панцирь ледовых полей; над тундрой завьюжат метели, и в редкий день вертолет сможет нарушить работой своих двигателей тишину моей станции; сполохи северного сияния будут глушить радиоэфир помехами, и я буду безрезультатно высиживать положенные сеансы связи у хрипящей рации.

Над Ледовитым океаном стремительно сгущаются сумерки: наступает долгая полярная ночь. Это будет моя первая самостоятельная зимовка.

Глава 2. Дела насущные

Сегодня у меня много дел. Надо провести ревизию припасов и распределить их так, чтобы хватило до конца бесконечной полярной ночи. Конечно, если выдадутся погожие деньки, мне что-то по мелочи подкинут вертолетом, но особо рассчитывать на вертушку не стоит. Поэтому здесь, как нигде пригождаются мне мои навыки планирования из прошлой моей жизни. Здесь от них в прямом смысле зависит мое выживание.

Во-первых, нужно потратить несколько часов на блуждание в лабиринте бочек с солярой, стоящих за баракком станции, и определить сколько у меня топлива. Дрова в тундре на вес золота, поэтому частенько приходится ездить за ними черт-те куда на вездеходе или палить в печке отработку. Кроме того, соляра пригодится для резервного дизель-генератора, если вдруг накроется звездой “ветряк”, что пока исправно выдает ток под действием морского стужевея. Если уж и дизельный “дырчик” крякнет, то на этот случай у меня в пристройке стоят два здоровенных танковых аккумулятора, которые могут исправно питать радиостанцию добрую пару недель. Впрочем, как я уже говорил, от самой рации в условиях полярной ночи толку мало.

Во-вторых, необходимо провести ревизию провианта, хранящегося в дальнем сарае. Посчитать все ящики с консервами, мешки с крупами и корнеплодами и понять, что лучше лишний раз грохнуть в тундре какого-нибудь полярного зайца или выйти на лодке в хорошую погоду поставить сети на гольца. Кстати, сети тоже нужно чинить.

Ну, и самое главное. Склад боеприпасов. Здесь хранятся пачки патронов к моему карабину и фальшфейеры для подачи сигналов вертолетчикам. Это святое. Патроны – это все. Это шанс отбиться от голодного Северного хозяина – белого медведя, это вариант добыть пищу, это, в конце концов, возможность развести огонь или подать сигнал.

Я пересчитал запечатанные бочки и принялся простукивать открытые, чтобы понять, сколько топлива в них осталось. Забавно: через какое-то совсем короткое время я улечу отсюда навсегда, и станция останется работать в полностью автономном режиме, а эти прихваченные рыжей ржавчиной бочки будут стоять здесь еще десятки лет, как стоят и медленно гниют разбросанные по побережью то тут, то там брошенные бытовки, остовы грейдеров и вагонеток, уродливыми памятниками обозначающие очаги борьбы человека с суровой полярной природой и попыток подчинить ее своей воле. Бесплодных попыток.

А что здесь делаю я? Я служитель беспощадного прогресса или последний романтик этой величественной и грозной земли? Моя задача – удачно провести опытно-промышленную эксплуатацию автоматизированной метеосистемы и покинуть навсегда эти места, предоставив умной машине самостоятельно выполнять работу, которую до меня выполняли многие поколения таких же отшельников. Я обрубаю генеалогическое древо самоотверженных полярных героев, я – последний из Могикан этой сказочной породы людей.

Ах, черт! Чуть не прохлопал сеанс связи! Бросив занятие с бочками, я помчался к крыльцу станции. Рванул на себя скрипучую, оббитую для тепла войлоком, дверь и, не обметая ног, ввалился в комнату, где стояла радиостанция. Включил тумблер на массу и завертел верньером настройки. Через хрип и треск эфира в динамик прорвался нечеткий вызов: «Полярный – Колычеву... Полярный – Колычеву... Дементьев, ответь!»

Я переключил тангенту на передачу и, смиряя дыхание после бега, произнес в микрофон:
– Колычев на приеме. Дементьев у аппарата!

– Привет, Кир! Как там у тебя? Ночь наступает? Постельку стелешь? – я узнал по голосу Сашку Королева, моего друга по радиоэфиру с базы в Полярном. Он всегда меня пытается подколоть как-нибудь.

– Да боюсь, не до сна мне будет, Сань, – усмехнулся я, – Неизвестно, как поведет себя автоматика в условиях полярной ночи. Кстати, данные принял?

– Ага, все как в аптеке, не беспокойся, – заверил Сашка, – Как у тебя там обстановка?
– Да пойдет, вот к зимовке готовлюсь, припасы считаю.
– Ну, тогда не буду отвлекать благовоспитанного бурундука, – опять попытался сострить Сашка, – Если край совсем будет, вызывай, по возможности постараемся аэросани прислать.
– Да как вызывай-то? Рация слабенькая, сияние не пробивает...
– Ну, знаешь что, с рацией и дурак вызовет, ты так попробуй!
– Ладно, хватит трюндеть, конец связи, – оборвал я Сашку.
– Конец связи, —отозвалась рация. Что-то щелкнуло в динамике, и эфир наполнился ровным шипением.

Сашка все-таки балабол. Интересно, какой он из себя? Наверное, тоже молодой пацан, вроде меня. И, наверняка, не такой дурной, каким себя пытается показать. Дурь здесь быстро вылетает. Или сама по себе, или старшие товарищи выбивают один раз и навсегда. А иначе не выжить здесь.

Помню, как из меня Валентиныч дурь вышибал. Я потом долго гематомы мороженой рыбой да ягелем вместо подорожника лечил. Послал он меня раз за консервами на склад. Уходил он тогда на лодке к дальнему мысу ретранслятор развернуть. Ну, и я, как бывалый сталкер, должен был на станции остаться, один герой на весь Север. Смаковал я предстоящие приключения в своем воображении, да так в облаках завитался, что дверь на склад закрыть забыл. А ночью туда медведь залез, да раздербанил весь наш почти полугодовой запас продуктов. Ох, и отлупил меня тогда Валентиныч! Неделю я спать не мог – ребра болели. Да все вообще болело. Бил он меня по-взрослому, со всей силы и куда придется: я ведь и чуть всю программу разведки не запарол, и нас с ним едва на голодную смерть не обрек. А такого здесь не прощают даже новичкам.

Зато потом учил он меня и зайца отслеживать и бить, и силок на лемминга ставить, и рыбу добывать чуть ли не руками. На том и прожили почти всю зиму.

Я потянулся к подоконнику за кружкой, отбил ей лед в анкерке с водой, зачерпнул и поставил на буржуйку. Мокрое доньшко тотчас зашипело от прикосновения к раскаленному металлу. Я сыпанул из банки добрую горсть заварки. Люблю иногда чифира попить. Странно, дома отродясь пить бы не стал эту горечь, а здесь, после того как намерзнешься, кажется, будто ничего вкуснее на свете нет. И не надо тебе ни конфет, ни лимона к чаю. Впрочем, сахару я все же сыпану. Я открыл ящик стола и достал длинный пакетик с порцией сахара. Интересно, правда ли: говорят, чудак, который такие пакетики изобрел, задумал так, чтобы ломать их посередине и высыпать сахар в кружку из двух половинок, но когда узнал, что все просто надрывают их с одной стороны, лишился рассудка. Смешно все-таки, из-за какой ерунды люди порой сходят с ума, что-то там переживают, расстраиваются. А с другой стороны, как мало порой требуется от нас, чтобы оправдать ожидания другого человека. Что ж, дорогой изобретатель сахарных пакетиков, я не стану огорчать тебя.

Я сломал в пальцах пакетик с сахаром пополам и высыпал содержимое в кружку с закипающим чаем.

Глава 3. Метель

За окном не на шутку разгулялась метель. Монотонно шипит на столе рация – она постоянно включена в режиме приема на случай, если вдруг прорвется сквозь вьюгу позывной Полярного. Ветряной генератор под действием шквала молотит как сумасшедший, поэтому разрядка аккумуляторов меня не страшит.

В такие дни я обычно жадно набрасываюсь на свою библиотеку. Год назад, когда я прилетел на станцию вместе с аппаратурой, я привез с собой много книг. Многие я прочел за прошлую зимовку. Осенью вертолетом мне подвезли еще. Библиотека в Полярном достаточно скудна, однако в ней хранится отличная подборка русской классики, а также зарубежной и отечественной приключенческой прозы.

Здесь не читается все подряд. Волей-неволей оказывает влияние та простейшая трехмерная система координат, в которой ты находишься: время – пространство – человек. Поэтому вся остальная макулатура вроде дешевой беллетристики или экзистенциальных мелодрам кажется здесь просто неестественной. Нет здесь таких понятий как депрессия, измены, алчность и подлость. В этом мире есть только неумолимость тягучего, как кисель, времени, грандиозность пространства и сила мысли и тела человека, в одиночку в чем-то приспособляющегося, а в чем-то противостоящего первым двум.

Я открываю затрепанную многими моими предшественниками книгу и погружаюсь в чтение. Сегодня я могу себе позволить: раз в два часа нужно убеждаться, что автоматика исправно передает метеорологические данные диспетчеру в Полярном и ответить на вызов по рации, если таковой будет. Больше дел у меня сегодня нет. Лишь бы не сбила аппаратура. За окном еще пару дней будет бушевать такая вьюга, что отойти на десять метров от крыльца будет означать неминуемую потерю ориентации и смерть. Затем погода стихает и, может быть, даже выдастся несколько солнечных деньков. И вот тогда нужно будет успеть откопать входы в помещения, провести ревизию всей аппаратуры, подсчитать и восстановить все, что поломала буря и пополнить запасы воды и еды в радиорубке.

Отложив книгу, я вглядываюсь в буйство метели за окошком моего барака. Часто задумываюсь о том, почему судьба распорядилась так, чтобы именно я оказался здесь? И может ли существовать для современного инженера, рационалиста и материалиста, такое понятие как судьба? Что это? Архаизм из лексикона бабкиных причитаний, которым удобно оправдывать любое свое действие и бездействие? Или неведомый пока нам точный закон зависимости положения человека в пространстве и времени, подобный тому, подчиняясь которому два бильярдных шара, столкнувшись под определенным углом между траекториями их движения, меняют направление и катятся в лузы по углам стола?

...Петербург. Я бегу по коридору мимо аудиторий учебного центра. В отпущенные десять минут перерыва между занятиями мне нужно успеть слетать на пару этажей вниз и выбрать в «Детском мире» какой-нибудь подарок племяннице. Мимо меня проносятся двери учебных классов с табличками: «Управление проектами», «Проектирование энергосберегающих систем», «Эффективный руководитель» и какие-то еще. Бог мой, чему только здесь не обучают! И недаром сюда съезжаются повышать квалификацию люди со всей страны самых разных возрастов и профессий.

Возле аудитории с надписью «Вопросы кадрового обеспечения предприятий наукоемких отраслей» я замечаю двоих уже немолодых мужчин с одноразовыми пластиковыми стаканчиками с кофе. Один, что постарше, что-то рассказывает другому, а тот в ответ лишь сочувственно качает головой.

– Понимаете, север уже не тот Север, что при советской власти, – краем уха улавливаю я, – Раньше работать на севере было не только почетно, но и прибыльно. Сейчас, конечно,

гораздо лучше жилищно-бытовые условия полярников, но о престиже профессии говорить уже не приходится. Да и деньги... Раньше северянин приезжал на Большую Землю состоятельным человеком и мог купить себе автомобиль, квартиру в кооперативе или отдыхать между вахтами на лучших курортах Союза! Я уже не говорю о всевозможных льготах. А сейчас? Любой не самый талантливый менеджер среднего звена в столице зарабатывает больше «северянина», при этом он сидит в уютном офисе с чашкой кофе и каждый вечер ходит домой к жене и детям. Ну, и зачем ему лететь черт знает куда, выживать, мерзнуть, гробить свое здоровье, месяцами не видеть родных? Но это еще полбеды! Так ведь нанять некого! Молодежь не только не хочет работать, но ведь и не знает ничего, кроме компьютерных программ! А старики постепенно уходят... Кто туда поедет?

– Я поеду! – резко развернулся к ним я. Густые брови под очками рассказчика удивленно вздернулись.

– Вы серьезно?

– Более чем.

– Зачем это вам? – в голосе очкастого удивление уже сменилось интересом.

– Не спрашивайте меня, пока я не передумал, —мотнул головой я, – Итак, куда и когда лететь? Что нужно делать?

– А что вы, собственно, умеете?

– Ничего, – на секунду замявшись, смущенно признался я.

– Так, – разочарованно крякнул мой собеседник, – А кем же вы сейчас работаете?

– Я ведущий специалист по проектированию автоматизированных систем управления технологическими процессами, – ответил я и назвал компанию, в которой работаю.

– И вы хотите променять это место на барак в тундре? – удивлению очкастого не было предела.

– Да, – кивнул я, – Только не спрашивайте почему.

– Хорошо, – скребанул в лысеющем затылке мой собеседник, – Подойдет ли вам работа по развертыванию автоматизированных метеосистем на метеостанциях Чукотки?

– Думаю, да.

– Тогда вот моя визитка, позвоните мне ближе к концу весны. Я дам поручение подготовить на вас кадровые документы и билеты, потом прилетите в Анадырь, где пройдете обучение и инструктажи, и к осени забросим вас вертолетом на точку, где вам предстоит работать.

– Подъемные будут? – прервал его я.

– Молодой человек, – построжал мой собеседник, – Вы, похоже, плохо себе представляете, на что соглашаетесь. Зачем вам на метеостанции подъемные? От белых медведей откупаться? Куда вы их там собираетесь тратить?

– Мне не там, мне здесь, – парировал я, – Я еду работать на Крайний Север, то есть в экстремальные условия, и хочу подобрать для себя соответствующую одежду и снаряжение.

– Управление обеспечит вас всем необходимым: спецодеждой, жильем, провиантом, необходимым снаряжением, инструментом и всем остальным.

– Слушайте, – возразил я, – Я давно работаю на достаточно крупном и опасном производстве, и веры в казенную спецовку у меня нет никакой. Поверьте, я знаю, о чем говорю. Одежду и снаряжение я буду подбирать сам, потому что от этого будет зависеть моя жизнь. В противном случае ищите другого специалиста, я так вижу, они в очередь к вам не стоят.

– Резонно, – нехотя согласился очкастый после короткого раздумья, – Убедили, будут вам подъемные. Еще что-то?

– Пожалуй, все.

– Тогда по рукам, – он впервые за весь разговор улыбнулся, – Буду ждать звонка.

Я летел обратно и вертел в руках визитку очкастого. «Дмитрий Евгеньевич Кислов. Директор по персоналу АО «Север-Автоматика» – значилось на ней. Я убрал визитку во внут-

ренный карман куртки и посмотрел в иллюминатор. День был ясный, и я хорошо различал внизу особенности ландшафта: серебристые ленты речушек, темные впадины озер, черные ковры пашен. Словно кто-то расстелил подо мной карту невиданного масштаба. Я тогда подумал, какая же огромная у нас страна! Какие пространства! Как уместить их в воображении человека? И как много в ней неизвестных и удивительных мест!

Почему-то сейчас меня перестала прельщать архитектура городов. Пока я был на учебе, я бродил по Петербургу без всякого интереса и даже с некоторым удивлением смотрел на восхищающихся туристов, без перерыва щелкающих камерами на улицах города. Я не пошел ни в Эрмитаж, ни в Кунсткамеру, а посещение «Авроры» меня окончательно разочаровало. Я ожидал увидеть там простой матросский быт, восстановленный внимательными хранителями, но вместо этого я увидел там чистые выкрашенные помещения, оснащенные сенсорными экранами для самостоятельного просмотра, назвать которые кубриком, рубкой или каютами как-то даже не поворачивался язык. Я бродил по узким улочкам центра Питера без зонтика под противным балтийским дождем с любимой музыкой в наушниках плеера, но так и не смог почувствовать легендарный Дух Питера, причем никакой: ни горьковато-пепельный привкус блоковского Петрограда, ни вольные флюиды Ленинграда эпохи «Кино» и «Алисы», ни холодное отчуждение Питера эпохи бандитских войн девяностых, группы «Сплин» и фильма «Брат». Меня упорно тянуло на Север, куда-то к мифическим границам древней Гипербореи, в край людей со стальным духом и чистыми, как полярный снег, помыслами. Был ли это зов крови, или маниакальная галлюцинация, вскормленная романтическими образами советской приключенческой литературы и кино, мне было все равно.

Выйдя на работу после командировки, я первым делом прошел в кабинет начальника. Мой руководитель, нестарый энергичный дядька лет около сорока пяти, сосредоточенно разбирал бумаги из папки «На подпись».

- Слушаю, Кирилл, что у тебя? – буркнул он, не поднимая глаз от бумаг.
- Вот, отчет о командировке подготовил, – начал я издали.
- Хорошо, оставь, я прочту. Что-то еще?

В этот момент я посмотрел на карту России, висящую на стене за спиной начальника. И вдруг вспомнился мне мой полет из Питера. И как я пару лет назад путешествовал на машине в Сочи. Насколько сильно я был поражен, попав в систему координат человек – пространство и впервые осознав масштабы окружающего мира. Сейчас же, взглянув на карту в кабинете начальника, я обнаружил, что те места, которые мне довелось проехать за свою жизнь – всего лишь мизерная часть просторов моей страны. А где-то там за Уралом, где я никогда не бывал, ждет меня целая неизвестная и удивительная планета. Я зажмурился и вдруг отчетливо представил себя внутри этого пространства. Где вокруг меня, микроскопически незаметного, колышется бескрайнее зеленое море таежных лесов, где величавые сибирские реки несут свои воды к полярному океану, туда, где тянется бескрайняя неуютная тундра, похожая на далекую необитаемую планету, а дальше – белоснежная ледяная пустыня. И на таких огромных, гиперболизированных пространствах должны жить и огромные люди – не только физически более крупные и крепкие, но и значительно превосходящие нас по широте кругозора и духовных порывов. Так вдруг увидел это я.

- Не колеблясь больше, я положил на стол начальнику заявление об увольнении:
- Вот, подпишите, пожалуйста.

Шеф оторвался на мгновение от своих бумаг и пробежал глазами мое заявление.

- Куда? — коротко спросил он.

– Метеостанция «Колычев», Чукотский автономный округ, – просто ответил я. Начальник словно на секунду задумался, затем кивнул, будто соглашаясь с чем-то, и энергично поставил свою подпись на моем заявлении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.